

НА ВЗЛЕТНОЙ ПОЛОСЕ

Эту дорогу трудно было узять, так она изменилась, хотя, как и в прошлый раз, была густо присыпана снегом.

На юге в эту пору было уже тепло, бушевала весна, там уже начались сея, а тут по ночам погода еще прижал мороз. Север, он и есть север, никогда от него не дешься.

Дорога вела к аэропорту «Ягель». Можно было бы назвать аэропорт Новым Уренгоеем, и сам город, во угрюмый решим называли мороз. Север, он и есть север, никогда от него не дешься.

Дорога вела к аэропорту «Ягель». Можно было бы назвать аэропорт Новым Уренгоеем, и сам город, во угрюмый решим называли мороз. Север, он и есть север, никогда от него не дешься.

Когда я приехал сюда впервые, дорогу еще не проходил, был просто зимник. Аэропорт еще только начал действовать, но грузы уже шли, их надо было вывозить на трассу. Для этого зимник и пробили. Он был в крутых узлах, «газин» наш походил на морской материк, уходящий в жесткую широту. По зимнику постоянно пополз трактор и уложил увалы, но помогало это было мало.

А сейчас стояла весна, мы ехали по ровной асфальтовой дороге, проложенной в тундре. И аэропорт был другим. Вместо избушки на курчих ножках, где всегда было накурено, стены стонали, потрескивали от мороза, стояло новое здание, ничем не хуже, чем в иных крупных городах.

Новых людей, заприметил я, много, и обрадовался, встретив давнего знакомого Николая Федоровича Козлова. Когда идет он, то припадает на одну ногу, хромота эта у него в даших, еще юношеских временах. Играя в футбол, и его «поднозия», ботинок раздробил подмыжку. Что врачи потом ни делали, хромота так и осталась.

Приехал в Новый Уренгой Козлов из Надымы. Работал в Ленок-Югане. А родом — из Гусь-Хрустального.

Козлов — это, можно сказать, история местного аэропорта, он появился, когда по будущей взлетной полосе бродили олени и их время от времени гоняли волки.

К волкам, надо сказать, у Николая Козлова отношение совершенно однозначное. Был случай: из Тюмени прилетел «брюзга» с грузом, заходил на посадку, а из посыла в это время выскошил оленевод. Стало быть, надо сказать, что олени были выжаты, и заходили на посадку завово.

Козлов же, прихрамывая, высыпал с лопатой на полосу и, задыхаясь, хрюкал, олени прочь...

Однажды, когда докопки его коллеги, а я им с собою двух парней, румяна, сел на неудобкор ГТТ, именуемый еще «гететинкой», и решил разделаться с крохотной стачкой, обложившей аэропорт.

Метрах в четырехстах от «избушки на курчих ножках» заметили они стано. Ударили из ружей, но будто горюхом стреляли, а не ссынико. Хотят же приметили, что один из волков, грудастый, тяжелый, с подушечкой желтлинной шерсти, захромал, и, отделившись от остальных, побежал в сторону. Решини его добить...

Снег глубокий, «гететинка» идет трудно, языки под брюхом постоянно щекочут, будто машина цепляется дном за землю. Да и мороз — минус сорок восемь градусов. Едут, в одну комнату, чтобы не

застудились они, обогрели ноги-как, а сами взялись за работу. Работали без перебоя, и оторвешься, подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — увел прочь от стана, заморочил голову, и они, уны, остались с ним. Вот это волк! Не север, а профессор!

Тут «гететина», словно бы по чьему-то колдовству, взмыла да и заглохла. Пока всплыла из воды, да ее — остыл мотор, и завести его сделалось уже невозможно. Это было статье неожидан-

но, а волка никак достать не могут — все хромает и хромает зверь впереди. Подпустит метров на сто — стоять и оторвешься, подпустит...

А потом волк вдруг сделал резкий скок в сторону и пошел пластиаться по снегу длинными скаками. И через несколько секунд скрылся.

Только тогда Козлов и его товарищи поняли, что волк дурит их — у

театр

Спектакль «Крамнзегель» в Театре сатиры.
Герои и зрители — рядом

РАССКАЗ О ТРУДОВОМ ПОДВИГЕ

Этой премьеры с нетерпением ждали рабочие Удмуртской комсомольской стройки.

После спектакля Роман Сущинский, сын молодой драматурга Ато Хамдада — автор пьесы «Начало» — Не премьеру пришли прямо с рабочих к Яваше. Им предстояло стать первыми зрителями Удмуртского электротехнического завода. Они были первыми. И в самотверженном труде этой бригады, в десятках проблем, которые пришлось решать молодым рабочим, о наследии великомастюшников между людьми написал

пьесу «Начало» драматург А. Хамдад. Премьера этого спектакля состоялась в Таджикском академическом театре драмы имени А. Дахуди. — «Начало» — первое обращение нашего театра к теме труда, к теме трудового подвига, — рассказывает режиссер-постановщик Х. Маббанин. — И в премьере мы готовились с большим волнением. Несколько раз побывали в Яваше, знакомились с жизнью наших герояев. Еще хочу добавить, что большинство исполнителей роли — молодые актеры.

С. ДЖАЛОЛОВ.

ДУШАНБЕ.

пьесу «Начало» драматург А. Хамдад. Премьера этого спектакля состоялась в Таджикском академическом театре драмы имени А. Дахуди. — «Начало» — первое обращение нашего театра к теме труда, к теме трудового подвига, — рассказывает режиссер-постановщик Х. Маббанин. — И в премьере мы готовились с большим волнением. Несколько раз побывали в Яваше, знакомились с жизнью наших герояев. Еще хочу добавить, что большинство исполнителей роли — молодые актеры.

С. ДЖАЛОЛОВ.

С. ДЖАЛОЛОВ

после
премьеры

ТАНЦЕВАЛЬНАЯ ФЕЕРИЯ

«Я люблю народный танец за то, что он конденсирует в себе глубину народных чувств, его психологию, национальный характер, вкус и музыкальное изящество, драматичность. Народный танец — это пластический портрет народа».

Игорь МОИСЕЕВ.

В новой программе этот художественный принцип выдающегося советского хореографа нашел еще одно свое яркое подтверждение.

Первая часть программы называется «В гости к домам» (По гастрольным маршруту). Она восхищает необычным разнообразием танцевальных ритмов и красок. Польский танец сменяется венгерским, затем румынским, русским, венесуэльским, якутским. Это маленькие новеллы, раскрывающие обычай, нравы, характеры, «Моисеевы» не нужны декорации. Их искусство зрелищно и ярко. Смотри венесуэльский танец «Хоропо», кажется, что попадешь под луну юного солнца, к темпераментным и веселым людям. В русских «Задорных частушках» каждый жест, движение, поворот

передают ликой дух соревнования; кто кого «перетанцует». Хореограф нашел здесь совершенно новый, своеобразный принцип развития русского танца, где пластика словно становится звонкой речью. Вьетнамский «Танец с бамбуком» орнаментален и сложен. Танцовщицы должны четко попасть во все нараставший темп, между ударами длинных бамбуковых палок.

Подлинной кульминацией всей программы стала композиция «Ночь на Лысой горе» на музыку симфонической фантазии Мусорского. Эта постановка передана характерами для произведения Гоголя, атмосфера жизнерадостности, народного веселья, буйства красок, сочного украинского юмора.

Подлинной кульминацией всей программы стала композиция «Ночь на Лысой горе» на музыку симфонической фантазии Мусорского. Эта постановка передана характерами для произведения Гоголя, атмосфера жизнерадостности, народного веселья, буйства красок, сочного украинского юмора.

Каждый из артистов ансамбля — солист с ярко выраженной индивидуальностью, профессионально высочайшего класса.

Вспыхивает страстное желание артистов танцевать, умение даже в самых маленьких, эпизодических ролях создавать запоминающиеся характеристики и образы.

Огромную, кропотливую работу проделали хореографы: Л. Голованов, Л. Касаткина, О. Моисеева и А. Федоров. Успеху постановки на этом этапе способствовало многое способствовало.

В хореографической сцене «Праздничные традиции мы переносимся в сегодняшний день. Мы встречаемся с героями в их праздники и будни. Красочны, полны динамики, ярки, юмора! «Народные сцены на темы украинские мало-

РОМАНС О СКАЗКЕ

БЕСЕДА С АКТЕРОМ, КОТОРЫЙ ЗНАЕТ ВСЕ ПРО БАБУ-ЯГУ И ДАЖЕ КАЩЕЯ БЕССМЕРТНОГО

Зачем человеку скажать для усмешки? И для утоления веселой талии человека в зорьной игре. Отсюда и благодарная любовь к актерам, посвятившим себя сказке в кинематографе, который и сам то еще недавно казался сказкой.

А не тантас ли: пусть ласковая, но синхронность в ходе словах? Декларативность есть актеры великих переживаний, а есть хоть и малые нашему сердцу, но всего лишь лицедеи. Ох, не ошибиться бы в этом видеокомиконе, но легкомысленном суджении. Разве эксцентрика Эраст Гарина и сказки Николая Симонова не из разных выходили из сульфа? Разве изящная мысль уступает супромату канону? И разве уступает Андерсен в мудрости другим писателям?

А ведь рассказала меня на этот разговор один дивный сказчик. Исполнитель сказок и потому стал урлем королем. Построил из нас неспешно винтажник: «Человек без юмора... это на-серебряный человек... Что быстree мысли! Рефлекс... Зачем исправлять ошибки, если они для нас нетипичны? Житейская сказка — это самое, что театр иногда пытается возвести в праздник искусств... Корытый комментарий покож не пошел избиратора человека... Каждый Кашев думает, что он бессмертный...»

Все это взято из тетради, которая в семье называется просто «Сказами». А на видном месте в квартире висят плакаты: «Единственный приводящий страсти — право на старомодность».

На этих Георгия Францевича Миллера исполнилось 80 лет. Юбилей его был бы старомоден и тысячу лет назад и через тысячу лет будет старомоден. Он из кладовки простоты вечной мудрости. Это отмыть не корытый комментарий.

Он один из великолепнейших актеров. Большой мастер актерской игры. Вот именно об этом наши разговоры с заслуженным артистом Республики.

— Георгий Францевич, я к вам из детства, проездом из детства. Если жить бы играли для меня Кашев, Бабу-Ягу, Кикимору какую-нибудь. А мне было страшно.

— Очень, как я погляжу, вы мужественный. Прямо уж и Бабу-Ягу не боялся! Молодец! Помню, я свою первую Бабу-Ягу в «Василисе Прекрасной» сыграл с приемщиком из Азербайджана.

— Ах, как мы наставляли! Ах, как мы наставляли! Ах, как мы наставляли! Ах, как мы наставляли!

— Ах, как мы наставляли! Ах, как мы наставляли! Ах, как мы наставляли!

— Ах, как мы наставляли! Ах, как мы наставляли! Ах, как мы наставляли!

В основу сценария, написанного И. Моисеевым, положена повесть Н. В. Гоголя «Бесчестие на кутуре близ Диканьки». В танце передана характеристика для произведения Гоголя, атмосфера жизнерадостности, народного веселья, буйства красок, сочного украинского юмора.

Подлинной кульминацией

этой программы стала композиция «Ночь на Лысой горе» на музыку симфонической фантазии Мусорского. Эта постановка стала и для Моисеева, и для всего ансамбля, безусловно, этапной. Коллектив уже обращался к произведениям русской классики. Были осуществлены постановки таких масштабных полотен, как «Половецкие пляски» на музыку из оперы «Князь Игорь», «Скотоморозия» на музыку Римского-Корсакова, и, скажем, «Кармен» — психодрамическая драма, которую И. Моисеев сумел выразить в минимате. Перед нами проходит вся жизнь героя — любовь, страдания, завершающиеся счастьем.

Каждый из артистов ансамбля — солист с ярко выраженной индивидуальностью, профессионально высочайшего класса.

Вспыхивает страстное желание артистов танцевать, умение даже в самых маленьких, эпизодических ролях создавать запоминающиеся характеристики и образы.

Огромную, кропотливую работу проделали хореографы: Л. Голованов, Л. Касаткина, О. Моисеева и А. Федоров. Успеху постановки на этом этапе способствовало многое способствовало.

Вспоминаются московские гастроли Театра имени Руставели, который привез в столицу «Ричарда III» и «Кавказский меловой круг». Руставелевцы не случайно распорядились именем таким образом: спектакли как бы представляли два направления в современном грузинском искусстве — высокую трагедию и народное действие. Невольно вспоминаются и лучшие фильмы грузинского кинематографа: обительные чудеса, неисправимые жизнелюбы становились обязательными персонажами комедии, рядом с которой существовала трагический кинематограф А. Абдуладзе (вспомнили «Мольбу», «Древо жизни»), романтически позывавший героям от благородного Дате Тугашвили. Романтизм и народный юмор органически сочетались и в лучших фильмах о современности.

Такого рода кинематографу и поспособился Гурам Пирцхалава, естественно и способствуя чувствующему себя в разных стихиях.

Романтический герой в его чистом, христоматийном виде былallen в образе правдомыслы Дикого в телевизионном фильме «Колхидская баллада».

Сюжетная ситуация относится в картине к прошлому веку. Герой, коварными

интригами поставленный виновником

закона, борется за горюческое справедливости и погибает. В сюжете такого рода неизбежны потери, счастья, престрелки, и кажется, что актер нашел себя именно в этом направлении, настолько ему пристало необъяснимое существование. Однако динамика действий не поддается, но обнаруживает душевное состояние героя. В фактически одноплановой роли актеру удается создать образ, вызывающий несомненное уважение. Вот замечательный эпизод картины: спасая односельчан, герой и его друзья решают задержать караул. Остаются четверо обреченных. В последний раз смртльного дракто с грустью смотрят на него, на горы, на свою землю. Прощается с жизнью, чтобы встретиться с жизнью.

А вот другой герой в его чистом, христоматийном виде былallen в образе правдомыслы Дикого в телевизионном фильме «Для любителей решать привороды». В роли следователя актер привлекает активность действия, возможность пластического характера, Тбилисский театральный институт, который научил его многому и поэзии. Но в искусстве владения телом, биомеханики — доистории актеров, а сегодня актеры владеют этим достоянием не столь часто.

Пластиковая игра Гурама Пирцхалава красоречива: состояние души и тела живут в нем в неразрывной гармонии. Пирцхалава онанист, смелый над прочитанным беззлобным смехом. Но столь точно очертанный актером человек тем не менее неоднозначен. Что-то вроде совести шевелится и в его душе. Он советует своим парикмахерам не смотреть в глаза клиентам, он знает — если появится желание, невозможное творить зло.

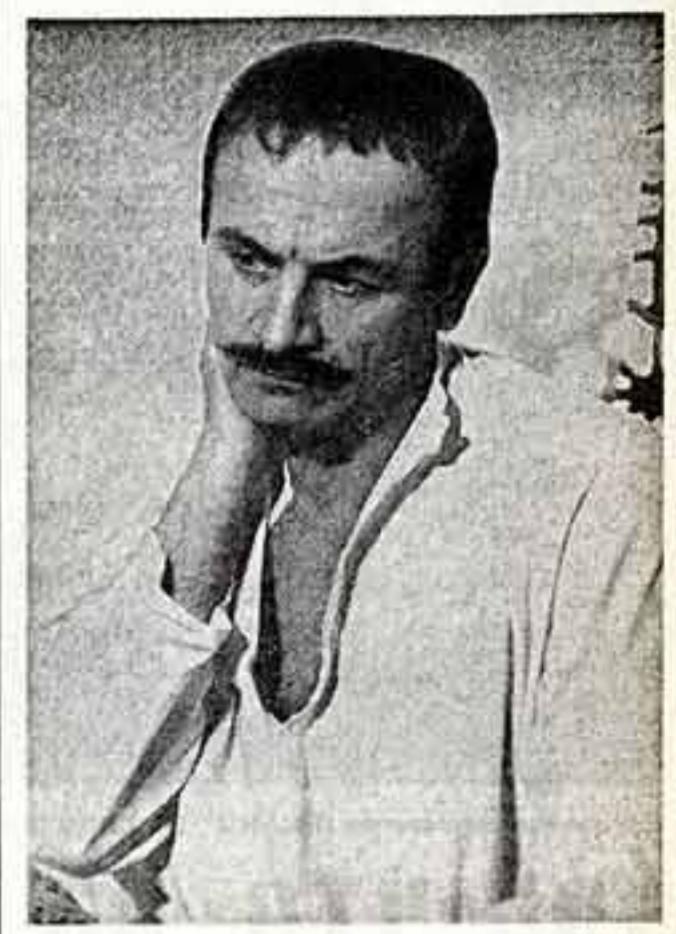
В последней своей работе, в фильме Лины Гогоберидзе «День длиннее ночи», Гурам Пирцхалава словно промыслом он относится, как к любой другой работе, — деловито, спокойно, без угрозения совести. Этот охотник за людьми после удачного драки благородно чревоугодничает, смачно чавкает, с удовольствием пьет вино. Он вполне доволен жизнью, даже доставляет себе духовное удовольствие — читает книги, смелый над прочитанным беззлобным смехом.

На протяжении многих лет Гурам Пирцхалава вспоминает

«Мольбу», «Древо жизни»), романтически позывавший героям от благородного Дате Тугашвили. Романтизм и народный юмор органически сочетались и в лучших фильмах о современности.

«Берега судьбы»

ЛЮДИ ИСКУССТВА

БЕРЕГА СУДЬБЫ

М. КВАСНЕЦКАЯ

Портрету роли разыграна актером виртуозно.

Гурам Пирцхалава естественно и способствуя чувствующему себя в разных стихиях.

Романтический герой в его чистом, христоматийном виде былallen в образе правдомыслы Дикого в телевизионном фильме «Для любителей решать привороды». В роли следователя актер привлекает активность действия, возможность пластического характера, Тбилисский театральный институт, который научил его многому и поэзии. Но в искусстве владения телом, биомеханики — доистории актеров, а сегодня актеры владеют этим достоянием не столь часто.

Пластиковая игра Гурама Пирцхалава красоречива:

состояние души и тела живут в нем в неразрывной гармонии.

Пирцхалава онанист, смелый над прочитанным беззлобным смехом.

На протяжении многих лет Гурам Пирцхалава вспоминает

«Мольбу», «Древо жизни»), романтически позывавший героям от благородного Дате Тугашвили. Романтизм и народный юмор органически сочетались и в лучших фильмах о современности.

«Берега судьбы»

М. Кваснецкая

Портрету роли разыграна актером виртуозно.

Гурам Пирцхалава естественно и способствуя чувствующему себя в разных стихиях.

Романтический герой в его чистом, христоматийном виде былallen в образе правдомыслы Дикого в телевизионном фильме «Для любителей решать привороды». В роли следователя актер привлекает активность действия, возможность пластического характера, Тбилисский театральный институт, который научил его многому и поэзии. Но в искусстве владения телом, биомеханики — доистории актеров, а сегодня актеры владеют этим достоянием не столь часто.

Пластиковая игра Гурама Пирцхалава красоречива:

состояние души и тела живут в нем в неразрывной гармонии.

Пирцхалава онанист, смелый над прочитанным беззлобным смехом.

На протяжении многих лет Гурам Пирцхалава вспоминает

«Мольбу», «Древо жизни»), романтически позывавший героям от благородного Дате Тугашвили. Романтизм и народный юмор органически сочетались и в лучших фильмах о современности.

«Берега судьбы»

М. Кваснецкая

Портрету роли разыграна актером виртуозно.

Гурам Пирцхалава естественно и способствуя чувствующему себя в разных стихиях.

Романтический герой в его чистом, христоматийном виде былallen в образе правдомыслы Дикого в телевизионном фильме «Для любителей решать привороды». В роли следователя актер привлекает активность действия, возможность пластического характера, Тбилисский театральный институт, который научил его многому и поэзии. Но в искусстве владения телом, биомеханики — доистории актеров, а сегодня актеры владеют этим достоянием не столь часто.

Пластиковая игра Гурама Пирцхалава красоречива:

состояние души и тела живут в нем в неразрывной гармонии.

Пирцхалава онанист, смелый над прочитанным беззлобным смехом.

На протяжении многих лет Гурам Пирцхалава вспоминает

«Мольбу», «Древо жизни»), романтически позывавший героям от благородного Дате Тугашвили. Романтизм и народный юмор органически сочетались и в лучших фильмах о современности.

«Берега судьбы»

М. Кваснецкая

Портрету роли разыграна актером виртуозно.

Гурам Пирцхалава естественно и способствуя чувствующему себя в разных стихиях.

Романтический герой в его чистом, христоматийном виде былallen в образе правдомыслы Дикого в телевизионном фильме «Для любителей решать привороды». В роли следователя актер привлекает активность действия, возможность пластического характера, Тбилисский театральный институт, который научил его многому и поэзии. Но в искусстве владения телом,

